

Возвращаясь памятью в прошлое, я вновь и вновь всё отчётливее понимаю, что не мы управляем своей Судьбой, а она управляет нами. Имея это в виду, я и хочу попытаться непредвзято рассказать обо всём, что сохранилось в моей памяти об институтских моих годах.

Окончил школу я в 1955 году шестнадцатилетним мальчишкой в городе Ужгороде в Закарпатье, куда судьба забросила нашу семью после демобилизации отца из Армии в 1946 году. Поскольку школу я завершил с золотой медалью, то уже с восьмого класса выбрав будущей своей специальностью геологию, без каких-либо сомнений подался в Москву, ведь там находится главный геологический институт страны – Московский геологоразведочный институт им. Серго Орджоникидзе! В отличие от нынешних выпускников школ, были мы ребята самостоятельные. Никто из родителей нас не сопровождал. С вокзала сразу же поехал в институт. Был я очень стеснительным тогда и сразу растерялся, потому что на меня обрушилась масса информации. Оказывается, в институте было четыре факультета, а специальностей – около десятка!

Какой факультет и какую специальность выбрать? Спросить кого-то я стеснялся и стоял растерянный в коридоре, когда ко мне подошёл молодой человек лет двадцати пяти и стал участливо расспрашивать меня, кто я, откуда, как учился. А потом, узнав, что я золотой медалист, стал убеждать меня, что поступать надо на горно-буровой факультет. Это настоящая сложная специальность – техника разведки месторождений полезных ископаемых. Трудная, там учатся только парни, – азартно говорил он. Затем настойчиво увлёк меня – пошли в приёмную комиссию. Там под его диктовку я написал заявление и стал абитуриентом горно-бурового факультета МГРИ. Так распорядилась Её Величество Судьба.

Вскоре я прошёл лёгкое собеседование – в течении минут пяти – и стал студентом. А молодого этого человека я затем встретил в институте. Это оказался зам.декана горно-бурового факультета Базанов. Правду сказать, где-то на третьем курсе, узнав хорошо о других факультетах и специальностях, стал подумывать я о переходе на геолого-разведочный факультет. Но мой дядя, мудрый дядя Григорий, брат моего отца, офицер-пограничник, работавший в Москве, рассудительно посоветовал: если ты так решил, что ж – это твой выбор, но я считаю, что ты сначала заверши учёбу на своём факультете, получи диплом и специальность, а потом уже дальше осваивай то, что тебя интересует ещё. Так я и сделал. Закончил в 1960 году свой факультет, и после этого ни разу не по-

жалел о выборе специальности. Она оказалась моей, родной, в которой я добился многого. Ну вот, это небольшое отступление – о выборе специальности и об Её Величестве Судьбе. А теперь вернёмся на первый курс в 1955 году.

Во-первых, надо было искать, где жить. В первый же день, после подачи заявления, когда я со своим «сидором» – солдатским вещмешком – стоял у здания института на Моховой, я напряжённо думал, куда же мне податься. Ведь надо где-то устраиваться жить, а к дяде я стеснялся идти – не хотелось быть ему в тягость. И вот стою, неожиданно ко мне подходит пожилая женщина и спрашивает, не интересуется ли меня жильё. Так я стал квартирантом, арендуя угол в доме на Берсеневской набережной недалеко от знаменитого кинотеатра «Ударник». Оказывается, эта женщина каждый год ловила себе квартирантов из абитуриентов МГРИ. Но прожил я там месяц. Плата за угол была для меня неподъёмной, и уже с помощью москвичей-однокурсников устроился я на квартиру недалеко от метро «Красные Ворота» в приветливую семью – там жила мама и дочка, тоже первокурсница какого-то института. У нас установились хорошие отношения. Они меня подкармливали, девочка Неля показывала мне Москву, стирала и гладила мои нехитрые вещи. Но где-то ещё через полтора месяца мне, как и всем первокурсникам – не москвичам, дали общежитие.

Это был огромный одноэтажный деревенский дом на станции Ильинка в Подмосковье, где мы и проживали – 24 первокурсника из разных факультетов – до конца первого курса. Это было трудное время. Много его уходило на то, чтобы добраться до института и обратно. Встав за тем, минут двадцать мы бежали на вокзал, затем в переполненной электричке – до Москвы. Затем – Метро и с площади Революции бегом напрямиком через Манежную площадь под свистки милиционеров – чтоб не опоздать на занятия. В каждой комнате общежития размещалось на раскладушках по 8 человек. Нехитрые вещи наши – в чемоданчиках и вещмешках – под раскладушками. Пищу готовить не на чем (отопление печное). Некоторые ребята пытались что-то готовить на электроплитках, но тайком, так как приходящая хозяйка категорически их запрещала.

Понятно, что заниматься учёбой в таких условиях не было никакой возможности – что можно было сделать, сидя на раскладушке с тетрадкой на коленке. Были ссоры, стычки. Кто-то пытался утвердить лидерство. Над некоторыми ребятами, кто характером послабее, откровенно издевались. Меня, признаться, подобное не коснулось, но постоянная напряжённость, растерянность, нестабильность сильно нервировали и утомляли. Именно поэтому около половины из этих 24 первокурсников отсеялись, были отчислены из института после провала экзаменов первого семестра. Хотя, помнится, было среди них немало хороших, толковых ребят, даже медалистов. Не выдержали первого непростого испытания.

Питались мы тогда, конечно, плохо. Денег не хватало, только чай и хлеб в институтской столовке. Благо, они были бесплатными. Зарабатывать тогда мы ещё не умели, да и условия бытия нам не позволяли где-то подрабатывать. Эти навыки пришли позднее.

Ну а теперь об учёбе.

Понятно, каким трудным был первый курс для нас, не москвичей. Во-первых, систематическое недосыпание, во-вторых, бытовая неустроенность, в-третьих, отсутствие навыков – лекции, конспекты, аудиторские занятия – как к этому привыкнуть? У ребят, поступивших в институт после техникума, эти навыки были, и первую сессию они прошли все хорошо. Кроме прочего, правды ради скажу, что настроены мы были очень легкомысленно. После школы, когда мы каждый день должны были учить материал и отвечать учителям, теперь в институте надо было только слушать весь семестр лекции и – никаких больше проблем! Всё казалось простым и лёгким нам, соплякам – бывшим десятиклассникам, и вот – сессия!

Со стыдом и ужасом вспоминаю мой первый экзамен. Это была общая химия. Лекции читал доцент Спицын, седой полноватый старичок за 80 лет. Он плохо видел и был глуховат! Читал материал монотонно, тихим голосом, под аккомпанемент которого я почти всегда засыпал. Конспекта лекций по химии у меня практически не было. Учебника в Ильинке по общей химии тоже не было, в читальском зале библиотеки института я один раз пролистал его и понял, что впереди – провал. Обречённый на «неуд», вытянул я билет. Сел за стол напротив Спицина, прочитал три вопроса и понял, что ничего не знаю и даже не представляю, о чём речь. Какие мысли пробежали у меня в голове: как стыдно, что я, золотой медалист, получу двойку; что я скажу родителям – в общем, полное отчаяние. Обернулся назад, ребята спрашивают шёпотом: ну как? Я отвечаю: ничего не знаю, и в отчаянии прошу сидящих сзади ребят как-то помочь мне. Они потихоньку ногами подпихивают мне толстенный учебник «Общей химии». Положил я его, совершенно деморализованный, себе на колени и стал судорожно искать материалы по моим вопросам. Нашёл параграф по первому вопросу. Переписал слово в слово. Затем нашёл материал по второму вопросу. Я уже не боялся Спицина. Мне было всё равно: не перепису – двойка, поймает – двойка! В это время заходит молоденькая лаборантка, проходит около меня, остановилась, посмотрела в мои умоляющие обречённые глаза, покачала головой и прошла дальше.

В полубреду, переписав из учебника все ответы на вопросы, стал я передавать ребятам учебник назад. В это время Спицын поднял голову, учебник я отпустил, а ребята взять не успели. Грохот падения! Спицын поднялся: В чём дело?! Что такое?! В ответ тишина. Он грозит пальцем: Смотрите мне! – и садится. Ребята тут же ногами отпугнули учебник назад. Вот в таком «полумёртвом» состоянии, совершенно опустошённый сел я около Спицына сдавать экзамен. Кроме всего прочего, я думал: он же поймёт, что я переписал из учебника слово в слово, и выгонит меня! Срывающимся голосом стал я «декламировать» материал по первому вопросу. Закончил. Дальше, – говорит преподаватель. Читаю материал по второму вопросу. Заканчиваю. Достаточно, – говорит Спицын, встаёт из-за стола и обращается к аудитории: Товарищи студенты! Вы слышали ответы Коломийца? Вот как надо любить и знать общую химию! Блестящий ответ, отлично!

Ещё не веря в происходящее, весь красный, получаю я зачётку и выхожу в коридор. Смотрю – от! Ребята, которые уже сдали экзамен и знали, что на самом деле происходило со мной, дружно гомерически загоготали: «Как надо любить и знать общую химию». Ха-ха-ха-ха-ха!! Как же мне было стыдно! Да и сейчас, вспоминая этот эпизод, испытываю искренний стыд. Да, это была суровая наука. Я сказал себе тогда: всё. Хватит валять дурака! Пришёл в институт учиться? – учись на совесть. Я дал себе слово, что никогда больше не пойду на экзамен неподготовленным. Так и было всю мою дальнейшую учёбу. Допоздна в первую сессию сидел я в читальном зале института, готовясь к другим экзаменам. Сдал сессию хорошо – одна четвёрка по марксизму-ленинизму от доцента Штейнбука. С этой сессии взял я себе за неукоснительное правило идти на экзамен только первым из моей группы.

Ещё вспоминаю, очень неприятные случаи были связаны у меня в первом семестре с математикой. Преподавал нам её на первом курсе молодой – 28-летний – педагог, старший преподаватель Генрих Целестинович Тумаркин, впоследствии известный советский и российский математик, доктор наук, академик. Был он строг. От преподавательского взгляда его чёрных прожигающих глаз я терялся и паниковал (что взять с 16-летнего застенчивого парнишки!). На практических занятиях, когда Генрих Целестинович вызывал меня к доске, я терялся, шёл к доске на полусогнутых ногах, терял дар речи и не мог ответить ни на один вопрос. Получал от педагога внушительную нотацию и возвращался за свой стол. Затем такое повторялось вновь. Однажды раздражённый педагог спросил меня: «Зачем вы пришли в институт, если не хотите учиться?! Так нельзя! Безобразие! Задумайтесь, наконец!»

Можно представить моё состояние тогда – материал знаю, но дико робею и теряюсь чуть не до слёз. И вот первая контрольная. У меня – пятёрка. Комментарий Генриха Целестиновича таков: Коломиец списал у кого-то. Стыдно! Вторая контрольная. Вновь – 5! Комментарий уже более сдержанный. Наконец, контрольная как проверочная для отбора кандидатов на математическую олимпиаду института. Единственная пятёрка – у меня! Генрих Целестинович, раздав работы, говорит: Коломиец, задержитесь после занятий. После окончания урока сажает он меня на стул около себя и участливо спрашивает: Коломиец, почему вы ничего не отвечаете у доски?

– Я... вас... боюсь!

Генрих Целестинович во внезапном удивлении округлил глаза и сказал как-то растеряно и сочувствующе.

– Да что Вы, как так можно! Вы же мужчина. Сколько вам лет?

– Шестнадцать.

– Ну что же вы, учитесь держать себя в руках, будьте мужественны!

Надо ли говорить, что после этого диалога деликатнейший Генрих Целестинович на занятиях боялся даже посмотреть в мою сторону. Математическую олимпиаду я выиграл (сказалась подготовка у моего замечательного школьного педагога Болеславского, да и у Генриха Целестиновича). На последующих экзаменах Генрих Целестинович ставил мне «отлично», едва я начинал отвечать.

Впоследствии, уже в зрелые годы, когда в середине семидесятых я готовился к защите кандидатской диссертации, познакомился с чудесным Генрихом Целестиновичем я поближе с помощью моего научного руководителя, а впоследствии и друга – Дмитрия Николаевича Башкатова. Бывал я и в гостях у Генриха Целестиновича, даже на шикарной подмосковной академической даче его тестя, академика РАПН. Генрих Целестинович очень помог мне в подготовке материалов по математическому моделированию моих защищаемых диссертационных положений. У нас установились долгие прекрасные человеческие отношения.

Вообще, если говорить об учёбе, то практически по всем основным предметам педагоги во МГРИ были фигуры заметные, запоминающиеся, харизматичные. Наверное, нет смысла приводить здесь длинный список весьма уважаемых, авторитетных учёных, многие из которых были известны не только в СССР, но и за рубежом. Скажу лишь, что это была великая честь учиться во МГРИ у знаменитых педагогов-учёных. И, тем не менее, упомяну всё же некоторых из них, или, вернее, эпизоды с участием некоторых из них, умевших держать в хорошем рабочем напряжении нашу мужскую озорную вольницу факультета «Техника разведки месторождений полезных ископаемых» – ФТР. Конечно, нельзя не вспомнить добрым словом Константина Никандровича Лоцилина, доцента, преподававшего нам труднейшие дисциплины – «сопромат» (сопротивление материалов) и «детали машин». Уже после 15-20 минут конспектирования сложнейшего материала с замысловатыми формулами и серьёзной графикой, который Константин Никандрович излагал неспешно, внятно, со смысловыми паузами и акцентами, мозги наши начинали «дымиться», и тогда он «выкидывал» какой-нибудь фортель, предназначавшийся для разрядки именно мужской аудитории: солёный анекдотец, озорное словечко, – гомерический хохот аудитории и – опять труднейший материал.

Сопромат мы любили именно благодаря блистательным лекциям Константина Никандровича. Вот пример его крепкого словесного образца для мужской аудитории.

– Товарищи студенты, я вижу, что вы начинаете терять внимание и отвлекаться от темы лекции. Поэтому прошу вас хором завершать произносимые мною фразы.

Он подходит к доске и, размашисто рисуя, произносит:

– Итак, нарисуем сложную фигуру...

И все мы хором завершаем:

– ...ру!

– Правильно. А теперь её тщательно заштри...

И вновь все мы хором радостно завершаем фразу.

Тогда Константин Никандрович оборачивается к нам и удивлённо говорил: Нет-нет, что вы, коллеги – только мелом, мелом! – и штрихует фигуру.

Разрядка состоялась. Материал дальше опять воспринимался с увлечением. При этом Константин Никандрович был человек добрейшей души. Неоднократно помогал самым бедным студентам материально, приглашая иногда к себе отобедать. Мы просто обожали его. Этот человек – из яркого ряда наших институтских воспитателей.

Другой яркой фигурой был и легендарный БИВ (Борис Иванович Воздвиженский) – профессор, один из выдающихся основоположников современного бурового дела. Впрочем, было много и других ярких запоминающихся учёных-педагогов. Учился я легко, с удовольствием. Редкие четвёрки появлялись в моей зачётной книжке. Но одну четвёрку я запомнил очень хорошо – по физике. Читал лекции и вёл практические занятия на 3-ем курсе доцент Кронгауз. Это был высокий лысеющий мужчина крепкого сложения, чётко излагающий материал. Он обладал прекрасной, фотографической памятью и всех студентов знал и помнил – в лицо. И вот – экзамен. Как всегда, вошёл на экзамен я первым, вытащил билет, прочитал вопрос – всё помню. Спокойно тут же иду отвечать. Первый вопрос – поляризация света. Отвечаю так, как выучил в учебнике, потому что, на редкость, конспекта по этой теме у меня не оказалось. Преподаватель меня останавливает – поясните физический смысл этого явления. Пытаюсь объяснить, как выучил. Он мне сурово говорит: Вы совершенно не понимаете это явление и не понимаете потому, что не были на лекции, где я давал этот материал. Он – помнил! Кронгауз берёт мою зачётку (а это был последний экзамен в сессии). Я похолодел. Думаю – пара?! Первая в моей жизни (а у меня и троек-то никогда не было). Педагог открывает мою зачётку – а там по четырём предыдущим экзаменам – четыре пятёрки! Тогда он говорит: ну что же, ладно, это меняет дело. Почему вы не были на лекции?

– Был на стрельбище, выступал в институтских соревнованиях.

– Ну что ж, будете бороться за четвёрку? Я обречённо ответил: да.

Так вот. Вошёл я на экзамен по физике первым, а вышел последним! Всё это время я решал задачки по физике, которые Кронгауз мне подбрасывал. Большинство решил, некоторые – нет. Но четвёрку суровый Кронгауз мне всё-таки поставил. Правда, поляризацию света я так и не понял за всю свою жизнь: бесцветный невидимый свет состоит из составляющих цветов радуги! С ума сойти – как это?! Правда, главные основополагающие постулаты физики: строение атома, электрический ток, магнетизм, гравитация и другое – я тоже не понимаю.

Впрочем, время выявило в школьных и институтских учебниках по физике столько голословных, необедительных, несуразных утверждений, которые можно запомнить, но невозможно представить и понять. Стало что-то для меня проясняться лишь с появлением квантовой теории. А тогда – полная непонятка – ну как это электроны бегут по проводам и так образуется электроток! Ведь никто и никуда не бежит! Не могут протоны в проводах лишиться всех своих электронов, да и те не убегают вообще. В общем, для человека, пытающегося представить себе физическое явление, всё это видится бессмысленным. Всё построено на условных понятиях, принимаемых на веру, как постулат. Да и сейчас уже, восьмидесятилетний, листая учебник физики моего внука, по которому в школе учился ещё я, обнаруживаю всё те же несуразности – для меня лично. Никаких внятных ответов – как и почему, какие «механизмы» этих явлений.

Ну, это мы отвлеклись. Вернёмся в институт.

Спектр дисциплин, которые нам преподавали на нашем факультете, к нашей большой удаче в последующей производственной деятельности, не ограничивался техническими вопросами горно-бурового дела. Нам много и весомо преподавали и чисто геологические предметы – от минералогии и кристаллографии до общей геологии и полезных ископаемых.

Были и научные кружки по различным специальностям. Ну, конечно же, состоял я в научном кружке «Техника разведки», и нас, студентов, его участников, в 1959 году возили на зимних каникулах в Баку, на нефтепромысел. Впечатляющая запомнившаяся экскурсия.

Какое-то время ходил я на научный кружок минералогии, увлечшись магией камней. И до сих пор люблю и собираю образцы минералов, руд и горных пород. Значительную, основную часть собранного за жизнь минералогического материала передал я в минералогическую коллекцию моего университета, где я сейчас тружусь руководителем музея минералогии и петрографии – Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет.

Учёба занимала, понятное дело, основное время нашего нахождения в институте. А летнее время было наполнено мощными длительными производственными практиками – мы трудились в буровых и горных бригадах на рабочих местах, осваивая все тонкости специальности своими руками. Правда, после первого курса у нас была учебная геологическая практика на знаменитом учебном полигоне МГРИ – около г. Загорска. Жили мы там в палатках, изучая азы геологии на площадках полигона вместе со студентами первого курса всех остальных факультетов. Все мы были разбиты на бригады по 5-6 человек, по окончании практики готовили отчёты, которые затем сдавались на конкурс. Выделены победителями три бригады, награждённые учебниками минералогии Смольянинова: моя бригада, Вити Рудомана и Лены Савичевой. Интересно отметить, что первые две бригады – победители геологической практики – это бригады горно-бурового факультета. Ну а затем была учебно-буровая практика там же на Загорском полигоне. Вот там мы поняли, почему буровой хлеб – в робах, в глинистом растворе, с тяжеленными трубными ключами. Это были ещё те уроки!

Ну а производственные практики после второго, третьего и четвёртого курса – это были настоящие крепкие испытания на умение, стойкость, терпение и – физическую силу! Первая производственная практика проходила у меня в Криворожском железорудном бассейне на участке до разведки месторождения железных руд. Я, 18-летний мальчишка не богатырского телосложения (рост 168 см, вес 57 кг) трудился старшим буровым рабочим на бурении глубоких скважин на буровом агрегате БС-1200. В бригаде приняли меня хорошо, хотя первоначально с некоторым скепсисом. Когда старший буровой мастер привёз меня на буровую, сменный мастер, грузный мужик лет 45, сказал: ну не атлант! Ну что же, попробуем! Пройдя необходимый курс инструктажа, я был допущен к работе у устья скважин в качестве старшего бурового рабочего. Глубина скважины – чуть за 1000 м. Мне нужно было отбивать и раскручивать бурильные трубы (буровики говорили – штанги). Испытание это совсем недавно я описал в стихотворении «Первый подъём». Отбивать соединение труб кувалдой, затем срывать соединение с помощью отбойного ключа патрубком, затем трубным ключом вручную (никаких механических трубных разворотов в 1957 году и в помине не было). Тяжко было, но одолел я этот подъём! Сказалась и моя спортивная подготовка и ежедневные занятия рубкой дров с 10 лет до окончания школы. А самое главное – упорство и стойкость.

Когда я раскрутил последнюю штангу, верховая рабочая Верочка крикнула сверху: Последняя?! Я гордо ответил: Да! Колонковая труба с керном висела на подкладной вилке, я разогнулся я, не показывая вида, что совершенно обессилен, отошёл в сторону. Петрович (буровой мастер) подошёл ко мне и сказал: Ну, студент, ты даёшь. У нас при такой глубине положено держать двух старших буровых рабочих, а ты один одолел. Молодец, из тебя будет толк. А сменный мастер – Сашок, сказал в растяжку: Мо-ло-ток! Верховая рабочая, молодая весёлая разбитная Верочка дала мне увесистый бутерброд с салом и два яблока. Так я был принят в бригаду, где благополучно отработал в замечательном дружном коллективе два с половиной месяца, заработав довольно приличные для студента деньги.

Жил я на квартире (бесплатно, оплачивала геопартия) у хорошей семьи украинцев – супружеская пара лет по пятидесяти, у которых дети все уже жили где-то самостоятельно. Хозяева приняли меня как родного сына, закармливали меня, собирали «тормозок» на смену, на которую развозили бригады с базы партии на вахтовках.

Я вспоминаю часто сейчас это счастливое время: работа, в который я ощущал себя нужным, окружение весёлых доброжелательных украинских друзей. Я внутренне вырос и укрепился – тогда почувствовал себя мужчиной. Теперь понятно, что практику после третьего курса я выбрал тоже в Кривой Рог. Попал в ту же партию, правда, уже в другую бригаду. Жил уже в рудничном общежитии с хорошими добрыми друзьями – рабочими рудника, которые относились ко мне хорошо, старались подкормить, хотя я уже был (чувствовал себя) самостоятельным парнем. Старался не иждивенничать у моих тоже молодых друзей. Пришлось тогда попробовать и водку (до того мы в институте баловались только вином). Опыт не был удачным, но нужным – я понял, как должен себя держать в таких холостяцких застольях.

Работа в бригаде мне нравилась, хотя доработать до конца практики мне не удалось. Вот что случилось. Привод на насос буровой установки осуществлялся от двигателя станка с помощью плоскоременной передачи. Однажды, когда шло бурение, вдруг со стороны этой передачи послышались какие-то сильные удары. Сменный крикнул мне: Лёха, посмотри! Я бросился на звук, но вдруг что-то блеснуло, я почувствовал удар и потерял сознание. Оказалось, приводной ремень на сшивке стал рваться и бить по ограждению передачи. В конце концов, рвущейся сшивкой тяжёлый металлический щит ограждения сорвало, он, как праща, был брошен на меня, и острым углом щита меня ударило в грудь. Была пробита брезентовая роба, свитер (была ночная смена) и угол врезался в ребро. В общем, мне невероятно повезло, что не попало в голову или живот, или не ударило между рёбер.

Я попал в больницу, мне зашили рану (шрам до сих пор хорошо сохранился). Через неделю мои друзья по бригаде проводили меня на поезд домой, но я «работал» в партии ещё полтора месяца (до окончания больницы), а полную зарплату мне регулярно присылали ребята (понятно, несчастный случай был скрыт). На каникулах эти хорошие деньги были весьма кстати.

А последнюю производственную практику я проходил в Восточном Казахстане в г. Зырянновске. Работал старшим буровым рабочим на подземном бурении в шахте на свинец. На глубине 500 м мы бурили геологические и минные скважины на станочке ГП-50, узлы которого из камеры в камеру переносили вручную. Это была интересная работа. Я уже хорошо знал дело, сразу же вписался в бригаду. Старший мастер – русский невысокий сухой крепкий мужик лет сорока, а вся его бригада состояла из ингушей, мощных рослых молодых ребят, с которыми я быстро и очень хорошо подружился. Мне было ими сказано, что я могу ходить по Зырянновску в любое время дня и ночи и не бояться. Вот такая была дана гарантия в 1959 году.

Конечно, была у меня в Зырянновске не только работа. Так, мне удалось принять участие в первенстве г. Зырянновска по лёгкой атлетике и занять там второе место в беге на 100 м, третье место по прыжкам в длину и... в метании копья. И ещё мы с Витей Китаниным и Славой Воронцовым нередко ходили на стадион поупражняться в футбол. Я стоял в воротах, а ребята били. Когда собралась кучка местных понаблюдать за нашими занятиями, мы договорились, и ребята били в те углы, куда, заранее я знал, они будут бить. Естественно, зрители не знали о договорённостях, и я заслужил бурные аплодисменты за уверенную ловлю мяча.

Ну а со своим старшим мастером я был в очень хороших отношениях, он приглашал меня к себе домой, нередко в застолье (кстати, ребята ингуши не выпивали совсем), хотя теперь я уже хорошо знал, как мне участвовать в таких серьёзных посиделках. Эта бригада была лучшая

в рудоуправлении, bila все рекорды проходки. Мастер был орденоносец (помнится, имел орден «Трудового Красного Знамени»). Зарабатывал я по тем временам бешенные деньги. По окончанию практики я привёз около пяти тысяч рублей. Правда, практика моя затянулась, и я опоздал на занятия в институт на полтора месяца со справкой, что задержан по крайне производственной необходимости. А дело-то было совсем в другом. Как-то с моим буровым мастером (в эту смену он был за рычагами, подменяя одного из ребят ингушей), мы закончили бурить скважину, перенесли станок на новую точку, но забуриваться не стали – оставалось не так много времени до окончания смены. И мастер сказал: Сынок, давай не будем ждать, когда пойдёт клетевой подъём людей, а выйдем наверх по вентиляционному стволу. Хорошо, так и сделали. Полезли по лестнице вентиляционных восстающих, отрезками. И вдруг он говорит: Лёша, беда, была отпалка, сейчас пойдёт газ, бежим быстрее. Ну, побежали. Но газ нас догнал, белый, как вата плотный, вонючий. И хотя я «бежал» впереди, а старшой – сзади, я первый почувствовал себя плохо. Отравление! Что было дальше, я не помнил, но очнулся уже в скорой помощи, под кислородом. Оказывается, мастер, много лет проработавший на руднике, к газам отпалки привык, и его организм выдерживал их. Увидев, что я теряю сознание, он подхватил меня и вынес на рабочий штрек, к вагонеточным путям. Ну а там срочно меня отправили наверх.

Лежал в больнице я долго. Было что-то неважное с лёгкими. Но больничный мне не заплатили, потому что бригада сбросилась и перед отправкой домой вручила мне солидный пакет. На эти деньги, приехав на зимние каникулы домой в Ужгород (летних каникул, понятно, не было). Я купил пальто маме и сестре, папе – костюм, купил родным хорошую обувь. Я был счастлив – я помогаю материально своей семье! Вот такие были производственные практики, давшие мне очень много как в познании всех трудностей и тонкостей моей специальности, так и в познании глубин человеческих отношений, в воспитании безусловного уважения к рабочему труду, в превращении меня в мужчину в лучшем смысле этого слова (ответственность, долг, мужество, стойкость, достоинство, умение держать слово и многое другое).

По окончании практики мы привозили в институт увесистые отчёты, в некотором смысле наши первые научные труды, так как в них мы старались описать все применяемые технологии работ, всю буровую технику, все новинки и рационализаторские предложения, которые нам удалось встретить в работе. Как после такой учёбы разве можно было стать неумёхой инженером? Конечно, мы приходили на производство изрядно подготовленными и умелыми специалистами.

Теперь ещё об одном событии, которое я сознательно опустил из хронологии моей институтской жизни. Это поездка на уборку целинного урожая после окончания учебной практики на Загорском полигоне после первого курса.

1956 год. Лето. Страна кипит известиями о начале страды по уборке урожая целинных и залежных земель (так тогда писали). Несколько дней в обычных грузовых вагонах, лёжа на полу, весело, с песнями под гитары или аккордеон Миши Соколова, неплохо питаюсь из хорошо организованной общей кухни, добирались мы до города Петропавловска в Северном Казахстане. А оттуда – в поле, во вновь организованный совхоз. Разбили нас по бригадам. Одну из них поручили возглавить мне (комсомольское поручение!). До сих пор удивляюсь, почему меня, 17-летнего застенчивого, скромного мальчишку, с первого курса стали выбирать или назначать на какие-то должности. Сам я категорически отказывался, но – увы!

С моей бригадой в составе порядка тридцати человек вывезли нас в степь, разместили в трёх огромных палатках и поручили строить... коровник из подсобного материала. Питанием обеспечивали нас хорошо – мясо, молоко и прочее, и мы начали строить – импровизировать. По оврагам (местные говорили – балки)выпилили более-менее стройные де-

ревья под столбы, обтесали их и закопали по периметру будущего коровника в землю, предварительно обмазав снизу растопленным асфальтом (варом). Жердями-ветками зашили интервалы между ними, а мелкими ветками плотно оббили всё сверху. Намешали ногами глину с соломой и обмазали всю постройку этой смесью. Всё засохло и пристало хорошо. Стропила на крышу тоже сделали из подручного (овражного) материала. Поражённый, не ожидавший от нас такой прыти директор совхоза привёз нам толи на крышу – и коровник был готов! Ну и ещё. Благодарный директор вручил нам ящик питьевого спирта, который без особых происшествий и спешки был постепенно опустошён.

Вспоминаю этот период я с особым чувством. Все ребята работали дружно, с огоньком, лентяев не было. Вечером – гитара и песни над степью. В общем – здорово! А я получил тогда свою первую трудовую награду – красивый знак ЦК ВЛКСМ – «За освоение новых земель» с красными корочками. Между прочим, находились мы там одни, без взрослых кураторов, которые лишь изредка навевывались к нам. Обратное возвращались мы вновь в теплушках, так же – с песнями. Да, нам даже выдали зарплату! Небольшую, но приятную. Во всяком случае, мы её не ожидали.

И вновь вернёмся в родной институт. Кроме учёбы, у нас было немало дел и забот. Почему-то меня, тогда ещё шестнадцатилетнего, ребята на первом курсе избрали комсоргом группы РТ-55-1. Так и оставался я в комсомольских вожаках разного уровня до окончания института. И что правда – это была честная реальная неформальная работа. Комсомольские собрания, где мы обсуждали самостоятельно многие вопросы нашей жизни, различные поручения ребятам. Конечно, часто это бывало наивно, но искренне. Занимались многие активным спортом. На первом курсе наша баскетбольная команда (РТ-55-1) выиграла кубок института! Это ещё то событие.

Сам я участвовал во всех игровых соревнованиях (баскетбол, футбол, волейбол). У меня был очень хороший прыжок – при росте 168 см я выпрыгивал над баскетбольным кольцом на ладонь. Играл даже за вторую команду института. Посещал секцию альпинизма, хотя в горы сходить не удалось. Там узнал много хороших альпинистских песен. Участвовал с успехом в легкоатлетических соревнованиях. Хотя «не побеждал, но был четвёртым в прыжках в длину на первенстве института (5 м 89 см – может и немного, но это – в 1958 году). Прыгал в высоту – 160 см, бегал 100 м – 11,9 сек и многое другое. Был победителем и призёром первенств института по стрельбе из боевой и мелкокалиберной винтовки.

Интересно, как я выиграл первое институтское соревнование по стрельбе из боевой винтовки. Я был физоргом комсомольского бюро факультета и поехал на соревнования как представитель факультета. Капитан нашей команды – перворазрядник по стрельбе Витя Александренков в конце соревнований подходит ко мне и говорит: Лёша, наш зачётный член команды не приехал, придётся тебе стрелять. Ну, хорошо, не страшно – в школе в своё время я неплохо стрелял. Отстрелял я первые пять выстрелов спокойно. Подходит ко мне взволнованный Витя, и говорит возбуждённо: Все десятки! Продолжай так же, и я – завоновался. Выбил ещё сорок четыре. Итого – девяносто четыре. Но – чемпион! С тех пор я участвовал успешно во всех стрелковых соревнованиях.

Ходил с ребятами на зимних каникулах в лыжные многодневные походы по Подмосквовью, хотя лыжи так и не полюбил (в Закарпатье у меня не было лыжной практики). Ещё серьёзная работа – дежурство в составе ДНД (добровольной народной дружины). С красными повязками на руках звеньями по 3 человека ходили мы по Москве (понятно, по определённым нам маршрутам).

Немного отвлекусь здесь от темы, потому что недавно услышал, что в Москве в те времена дружинники якобы ловили «стиляг», стригли им причёски – «коки» и тому подобное. Ну, все такие рассказы – бессовестное враньё. По крайней мере, что касается 1955-60 г. Да, где-то в районе 57-58 года появились и у нас в институте ребята с брюками дудочками,

в ярких галстуках, с высоким «коком» на голове и на толстых подошвах какой-то иностранной обуви. Но это были наши друзья из обеспеченных московских семей, нормальные студенты. К ним не было никаких претензий от нас или зависти. Да мы как-то их и не выделяли. Ну, одеваются так, ну и ладно. Хотя изредка некоторые старики-преподаватели и ворчали на них беззлобно. В общем, абсолютно никакой дискриминации в те годы они не встречали, да и сами не чванились и не пытались среди нас, своих друзей, как-то «выступать».

Итак, о ДНД. Моё звено отмечалось не раз. Кроме мелких происшествий, у нас было задержание разыскиваемого рецидивиста в магазине, поимка с поличным карманника. А сам я в электричке задержал бандита с ножом. Было очень поздно, в вагоне было 3-4 человека, и я задремал. Вдруг я почувствовал, что кто-то шарит по внутреннему карману моего пиджака. Открыл глаза – парень невысокого роста лет 25 с ножом в руке. Я быстро среагировал, ногой сбил его на пол, и мне удалось скрутить ему руки сзади до прихода милиции, вызванной людьми в вагоне. Событие это дошло до института, меня похвалили в институтской газете.

Что ещё. Очень хорошо и дружно жилось нам в общежитии института на улице Студенческой, где располагались корпуса нескольких общежитий институтов Москвы. На втором и третьем курсах мы жили в комнатах по четыре человека, а на четвёртом и пятом – по три. Комнаты по 16 м² с большим окном. Нам не было тесно. Шифоньер, четыре тумбочки, большой стол, кровати. А с 4-го курса – и стол для кухонных принадлежностей. На этаже – общая большая кухня, туалет, душевая. Душевой мы практически не пользовались, предпочитали ходить в баню.

Все четыре года жил я в одной комнате с друзьями на всю жизнь Витей Рудоманом и Колей Егоровым. Это краснодипломники Семипалатинского геологоразведочного техникума. Не помню, как получилось сперва, что мы стали жить вместе в одной комнате, ведь мы были из трёх разных групп. Но тому, что так вышло, я благодарен Её Величеству Судьбе. Замечательные это ребята и друзья. Витя был (к сожалению, был, он давно в мире ином) очень спокойный, неторопливый в действиях, говорил веско, как бы оценивая каждое слово. Студент №1 курса по успеваемости. Блестящие, чётко написанные конспекты с аккуратными чертежами – на загляденье и на благодарность для троечников, которым он давал ими пользоваться. (У меня, кстати, тоже были полные конспекты, но ребята ругали меня за плохой почерк: «ты что, только для себя, что ли, пишешь?!») Витя говорил, что он украинец из Казахстана, хотя попал он туда с родителями в 1941 году, переселившись туда из Одесской области в начале войны. Подозреваю, что он был из немецкой семьи (их было до войны много на одессчине, давно там осевших). Витя никогда не рассказывал о родителях, избегая этой темы. Мы с ним очень сблизились душевно, часто пели украинские песни под моё треньканье на гитаре. Витя был очень чистый человек и внешне и внутренне – всегда и во всём. При всём этом мог проявить характер, отстаивая свою позицию. Он избегал общественной работы, но был очень уважаем сокурсниками. О нём можно было бы написать книгу, в том числе и о его интересной, богатой творческой жизни после окончания института – вне сферы геологии, где он был высокоцением.

Второй мой дружок по комнате – Коля Егоров. Они приехали вдвоём с Витей из Семипалатинского техникума. Коля был прямой противоположностью Вите – большой, физически крепкий (занимался самбо), говорил внушительно, в повелительном тоне, он сразу стал студенческим лидером в разных ипостасях вплоть до избрания комсоргом института. Мы с Витей за манеру разговора и большой размер головы прозвали Колю – «руководящий затылок». Учился, конечно, тоже хорошо. По учёбе на курсе Витя был первым, я – вторым, а Коля, по-моему, был третьим. У нас были, в основном, пятёрки. Коля тоже был в нашем общежитии хорошим, надёжным другом.

Жили мы коммуной, сбрасывались «степухами» в общий котёл, которым заведовал Витя, оставляли мы себе лишь небольшие суммы на

транспорт и редкую студенческую столовую. Была куплена на общие деньги посуда, гитара, радиоприёмник «Рекорд», проигрыватель пластинок. По очереди убирая комнаты и готовя еду на кухне. Замечательно и дружно отмечали праздники. Мы не пили водку, покупали к праздникам портвейн «Акстафа» и шампанское. Небогатая, но обильная закуска – в основном, недорогие консервы плюс кастрюля дымящейся картошки. Пели песни – народные, советские, студенческие. Ходили гулять к окраине Москвы вдоль берега реки Москвы. Конечно, не всегда отношения у нас складывались ровно, бывали и напряжённости, но никаких серьёзных конфликтов не возникало. Бывало, прибежит Коля вечером в возбуждении от своих многочисленных обязанностей: Ребята, что поесть? Отвечаем мы с Витей: ничего нет, мы уже поели. Коля: А мне не оставили? Мы: А сегодня твоя очередь была готовить, ты не первый раз пропускаешь, так что извини. Мы с Витей называли это воспитание: Макнуть Колю. Но всё это было по-хорошему.

Обладая недюжинной силой и посещая секцию самбо, Коля иногда шутя хватал меня или, чаще, Витю и упражнялся на приёмах. Мы с Витей быстро сообразили, что делать – тут же вступали в борьбу вдвоём и жёстко его «фиксировали». Силёнка у нас с Витей тоже была. Но была одна беда, о которой не хочу умолчать. Любил Коля играть в карты – в очко. Играл с ребятами в общежитии, какое-то время очень часто. И, как правило, выигрывал. Мы с Витей неоднократно урезонивали его: Коля, совестно, комсомольский лидер, нельзя так, бросай эту страсть! Но он нас не слушал, пока не случилась беда. Как-то раз Коля пришёл в комнату часа в четыре ночи, лёг на свою кровать лицом к стене и стал сильно вздыхать и цокать языком (это был признак его сильнейшего расстройства). Мы с Витей, сильно обеспокоившись, встали: Коля, что с тобой? Он долго не отвечал, а потом всё-таки открылся: он проиграл всю наличность и одну стипендию вперёд. Это, действительно, была беда. Мы успокоили Колю, как смогли: ладно, всё устроится, что-нибудь придумаем, давай пока спать. А утром мы сказали притихшему Коле: Хорошо, дружок, освобождаем тебя от взноса в кошелек коммуны, пока не рассчитаешься со своим долгом, но для науки тебе – условие: все дежурства по уборке и приготовлению пищи на это время – за тобой. Так всё и состоялось. Конечно, долго Колю мы не мучили, через неделю порядок дежурств вернулся в прежнюю колею. А Коля бросил играть в очко – навсегда.

Я уже упоминал о том, что на втором и третьем курсах мы жили в общежитии вчетвером. На втором курсе с нами жил Толя Лельевр, прекрасный скромный парень с тамбовщины (он говорил, что его французская фамилия – от барина, наградившего кого-то из его прадедов-крепостных такой фамилией). Толя уже с ранних курсов института стал писать заметки в «Пионерскую правду», его там печатали. В конце концов, это стало делом всей его дальнейшей жизни.

А на третьем курсе нам подселили китайца Ли Чжин Сяня с первого курса. А рядом в комнате жил его дружок – Лю Бинь. Мы должны были помогать им учить русский, помогать учиться и вообще акклиматизировать их в СССР. Необыкновенно скромные, стеснительные, извиняющиеся, они были славные ребята. Мы, конечно, помогали им как могли, но сначала пользы от этого было немного. Было им чрезвычайно трудно и, хотя они упорно зубрили конспекты, это было безуспешно. Правда, в последующие годы в институте мы часто встречали их, и, похоже, они уже втянулись в учёбу, прилично говорили по-русски. Почему я об этом пишу так подробно? Потому что я три раза в начале двухтысячных годов с моим учителем и другом Дмитрием Николаевичем Башкатовым читал лекции в Чаньчунском университете для преподавательского состава. И там, в Китае, узнал, что оба они – и Лю Бинь, и Ли Чжин Сянь были очень крупными руководителями в геологической отрасли Китая, их знали все. Мне удалось через коллег передать им большие приветы. Ну, а Коля Егоров где-то в то же время (он тоже доктор технических наук) читал лекции в Уханьском университете, и ему удалось, как он рассказывал, к взаимной большой радости, встречаться с ними обоими.

Вернёмся в общежитие. Я уже упоминал о праздниках. Так вот, именно в нашей комнате всегда собиралось много народу, было шумно и дружно. Боря Стадник, весёлый украинец со своей гитарой, уже упоминавшийся мной Толя Лельевр; спокойный, крепкий (штангист!) Коля Панин; деловитый Слава Гриднев, которые стали друзьями на всю жизнь, ну ещё и другие славные ребята – хитрован лысоватый Петя Чухов, хороший лыжник, рассудительный Коля Козырев и многие другие. Как нам было хорошо и весело. Пьянки в застольях, конечно, не было. Хотя, признаться, был один случай, который, понятно, нас не красил, но – увыл!, не умолчу.

Я уже писал о ребятах китайцах. Они всё время ходили на собрания их землячества в институте. Их там постоянно «воспитывали». Они категорически отказывались даже попробовать шампанское. И озорник Слава Воронцов (староста нашей группы) предложил купить лимонной водки (зелёного цвета, приятного вкуса) и дать китайцам попробовать как лимонад. После первых глотков они захмелели, были необыкновенно весёлыми, пели свои песни. Нам с трудом удалось уложить их спать. Утром мы, в раскаянье, рассказали им всю правду, извинились. Они приняли наши извинения, похоже, с чистым сердцем, посмеялись, попросив лишь, чтобы мы никому об этом эпизоде не рассказывали.

Огромный след в моей памяти остался от начала увлечения классической музыкой и Большим Театром. На первом курсе на одной из лекций в «двадцатке» я услышал, как мои соседи – Володя Афанасьев и Феликс Ройзенман обсуждают посещение какого-то концерта классической музыки в консерватории. В разговоре звучали какие-то непонятные мне термины, напевались отрывки музыки. Я был шокирован – как это мои одноклассники – москвичи так, как мне казалось, профессионально, обсуждают услышанную вчера музыку. Я робко присоединился к их разговору – спросил, что они вчера слушали, что и откуда знают об этих произведениях. И уговорил их на следующий концерт взять меня с собой. Так я впервые попал на концерт классической музыки в чудесный зал Московской консерватории. Я был заворожен волшебным звучанием оркестра. С тех пор я стал частым посетителем консерватории, Концертного зала им. Чайковского. Я стал приобретать пластинки с наиболее понравившимися мне произведениями, приобрёл много специальной популярной литературы о музыке, о композиторах, исполнителях и так далее. Классическая музыка стала моим любимым увлечением на всю жизнь. Сейчас в моей фонотеке – более 500 произведений и около 200 книг о музыке. Я составил каталог всех имеющихся у меня опусов. И я признателен Москве за этот удивительный подарок.

Понимая, что всё, что я слышу в Москве, мне больше никогда и нигде не удастся услышать с таким качеством исполнения, я старался как можно чаще ходить на музыкальные представления. Мне повезло «участвовать» в 1-ом конкурсе им. П.И. Чайковского, видеть и слышать игру Вэна Клайберна и других замечательных музыкантов. Я слушал впоследствии концерты выдающихся исполнителей: Гилельса, Рихтера, Ойстраха, Кнушевицкого и многих других. Ну и, конечно, Большой театр! Удалось просмотреть почти весь его балетный репертуар и прослушать оперные спектакли 1956-60 годов. Я видел Уланову, Тимофееву, Стручкову, Фадеечева, я слушал Михайлова, Рейзена, Эйзена, Козловского, других многих выдающихся и молодых исполнителей. Это было счастье. Ощущение, которое я несу всю свою жизнь. Молодой паренёк из далекого провинциального городка Ужгород, радостно потрясённый, сидит в великолепном сияющем зале театра, слушая волшебные мелодии. Разве это забудешь?! Билеты на галёрку ГБТ сначала я ловил наудачу перед спектаклем, а потом их мне оставляли знакомые кассиры театра. А билеты в то время на все спектакли продавались в начале месяца, и люди стояли в огромных очередях. Но меня кассиры знали и оставляли мне дешёвенькие билеты. Иногда перепадали контрамарки. Жалко, мои друзья по общежитию не поддержали меня, но мне и одному было хорошо.

Ну и, конечно, не могу не вспомнить, как я сутки выстаивал в 1956 году в очереди (номерки писались химическим карандашом на ладошке) на Дрезденскую галерею, которую Хрущёв решил вернуть ГДР (Восточной Германии). Первый раз, уставший, я плохо запомнил экспозицию. Зато второй раз, когда я опять же наудачу ждал у входа в Пушкинский музей – а вдруг кто-то не придёт вовремя – и мне улыбнулась удача! Тогда я ощутил в полной мере огромное потрясение от лицезрения работ великих мастеров живописи. Особенно – великолепно, завораживающее полотно – «Мадонна» кисти Рафаэля! Надо вспомнить и о том, что у меня были читательские билеты в лучшие библиотеки Москвы – Политехническую на площади Дзержинского и величайшую Ленинку, где я нередко взахлёб читал книги, о которых услышал положительные отзывы. За удобным столиком с небольшой настольной лампой я зачитывался «Тилем Уленшпигелем» Шарля де Костера, «Кола Брюньоном» Ромена Роллана, которые стали моими любимыми книгами на всю мою жизнь. Рекомендую, дорогой читатель! Там я осилил роллановского «Жана Кристофа», «Сагу о Форсайтах» Голсуорси. Представляете? Многотомные интереснейшие книги – в тиши читательского зала. Этого тоже не забыть.

Я также старался посетить как можно больше музеев. Меня расpirал интерес ко всему. Наш институт счастливо располагался в самом центре Москвы на Моховой – напротив Кремля. Вокруг масса музеев, театров, шумная Москва, оттаивающая вместе со всей страной от тягот Великой Отечественной Войны и послевоенных тяжёлых лет восстановления и карточной системы. Побывал в Политехническом музее, в Историческом, был в Оружейной палате, музее В.И. Ленина и других. Однажды стоял в длиннющей очереди в Мавзолей В.И. Ленина и И.В. Сталина, но не стал заходить туда – у меня появился какой-то неприятный холодок «под ложечкой» – как это я буду смотреть на мумии мёртвых людей – и я ушёл. Бывал неоднократно в Третьяковской и Пушкинской картинных галереях, посещал различные вернисажи в открытом тогда для этого Манеже на Манежной площади, увлёкся живописью и начал собирать открытки – репродукции художественных произведений, потом уже стал покупать и альбомы репродукций выдающихся художников. Сейчас у меня более семи тысяч таких открыток и более 300 альбомов и книг о живописи.

И всё-таки главным развлечением для нас, студентов, было – кино! Ведь тогда не было телевизоров, хотя они только начали появляться – с маленьким экранчиком за увеличительным стеклом – у редких семей. Кино – это огромное окно в мир. Какие фильмы тогда выходили! «Разные судьбы», «Весна на Заречной улице», «Дорогой мой человек», «Карнавальная ночь», «Идиот», «Судьба человека», «Баллада о солдате», «Летят журавли», «Дом в котором я живу», «Высота», «Дело было в Пенькове», «Мистер Икс», «Верные друзья», «Добровольцы», «Сорок первый», «Тихий дон», «Капитанская дочка», «Кортик». Да разве всё перечислишь? Это был замечательный период расцвета советского кино. Были созданы десятки шедевров, появились огромный букет талантов молодых актёров, ставших впоследствии легендами нашего кинематографа: Бондарчук, Ивашов, Юматов, Тихонов, Баталов, Ульянов, Рыбников, Глебов, Яковлев, Стриженов, Самойлов, Извицкая, Быстрицкая, И. Макарова, Пилецкая, Дружинина, Скобцева, Гурченко, Румянцева, Самойлова, Мордюкова и многих других. Простите, дорогие читатели, если кого-то упустил – пишу сходу по памяти. И ещё плюс – в кино блистала также плеяда замечательных актёров более старшего поколения. Это был нескончаемый праздник кино. Песни из этих фильмов остались в нашей памяти навечно. Нельзя не упомянуть замечательные киноленты 50х годов зарубежного фильма, которые мастерски и необычно открывали для нас новый мир: «В джазе только девушки», «Римские каникулы», «Семь самураев», «Ночи в Кабирии», «Граф Монте-Кристо» и много других с Одри Хепберн, Мэрилин Монро, Бриджит Бардо, Элизабет Тейлор, Вивьен Ли, Марлоном Брандо, Грегори Пеком, Жаном Маре. Почти все фильмы смотрел я в кинотеатре «Ударник». Масса взволнованных зрителей, обязательный концерт в фойе перед началом, киножурнал «Новости». Всё это было увлекательно, интересно, познавательно.

Итак, что могу я сказать в завершение этого обзора о моём культурном времяпрепровождении во время учёбы в Москве в 55-60х годах: как же мне здорово повезло, что учился я в институте в нашей бурлящей замечательной в те годы столице – Москве!

Откуда у нас были деньги на нашу жизнь? И правда, в общем, где-то со второго курса мы уже не голодали и не сидели на хлебе и чае в институтской столовке. Опытные старшекурсники научили нас, как устроиться в Киевскую товарную станцию на разгрузку вагонов. На втором курсе сначала разгружали по ночам картошку, арбузы и т.п., а позднее – комфортные грузы – ящики с фруктами, вином, холодильники и т.п. За одну ночь мы зарабатывали около 100 руб., что, при стипендии 395 руб., было немало. А с учётом «боя» и «поломок» ящиков, ещё и сытно. Но на старших курсах нам это уже не требовалось, потому что почти все ребята привозили хорошие деньги с производственных практик, а мы трое – наша коммуна – часто получали повышенные стипендии. А это уже было 500 и более рублей. Ну, а потом – коммуна вела расчётливое распределение общего кошелька. Конечно, возникали ситуации, когда в силу каких-то причин кошелёк иссякал. Ну, приходилось тогда покупать уценённые копеечные продукты с просроченным сроком реализации. Да, такие продукты тоже продавались! Однажды мы накормили рисовой кашей целый этаж. Купили уценённые рисовые брикеты и сварили пятилитровую кастрюлю каши. Ели с аппетитом, пока не заметили чёрные головки личинок (червячков). Созорничали – позвали ребят из соседней комнаты. Тот же азарт, и та же последующая реакция. В общем, в конце концов, каша была съедена, а смеху было надолго.

Кроме всего, некоторые из нас получали продуктовые посылки из дома. Съедалось всё это в один день всем общежитием. Помню, однажды мой дядя Гриша принёс мне огромный пакет продуктов. После его ухода всё было съедено где-то часа за два – колбасы, сыры, сгущённое молоко, что-то ещё. А часов в 9 вечера прибегают Боря Стадник (он в институте занимался курсовой стенгазетой – редактор и отличный художник) – Лёша, что-нибудь осталось?!

– Боря, всё съели. Вот осталась банка сгущённого кофе.

– Ну, давай её мне.

Через полчаса приходит Боря, держась за сердце: – Ох, скоро, наверное, выскочит! Он враз съел всю кофейную сгущёнку!

Кстати, коль я упомянул своего дядю Гришу, хочу отметить, что они с супругой сначала пытались давать мне деньги. Мне было очень совестно их брать, и я, после некоторых колебаний, возвращал им данные мне суммы в почтовый ящик. Вот тогда-то дядя Гриша и стал изредка приносить нам в общежитие большие пакеты еды.

Встреч и дружбы с девчонками у нас, студентов мужского факультета не было, хотя в общежитии они и жили. Большинство наших ребят просто робели и сторонились девочек. Хотя Слава Воронцов, красивый и разбитной, с девчонками «контачил». Однажды он пришёл к нам в комнату слегка «под мухой» и стал со смехом рассказывать, как он в постели не смог разобраться с поясом девочки. Мы его тут же резко оборвали, сказав, что это непорядочно. Хотя Славка, между прочим, после окончания института на этой девочке и женился.

Был ещё один волнительный случай. Стало известно, что одна девочка из общежития забеременела от Виля Байкова, а он отказался на ней жениться. Бурное комсомольское собрание, которое провёл я, после жаростных споров большинством голосов постановило: просить исключить Виля из института, если он не женится. Он отказался, и был исключён. Я был инициатором собрания, страшно и долго переживал, а правильно ли я поступил. Ведь многие ребята были против. А со Славой Воронцовым мы чуть не подрались, нас едва растащили. Но поддержали меня тоже многие ребята: Юра Татарчук, Витя Рудоман, Коля Козырев и другие. Но, к великому счастью, Виль Байков через год был восстановлен в институте, став отцом очень похожего на него мальчика. А молодожёнам дали отдельную комнату в общежитии. Камень с моей

души слетел! Мы потом, бывало, спорили в общезнании о том, как отнестись к девушкам. Целомудренность всё же было доминантой, хотя ряд «опытных» ребят были других точек зрения. Спустя много лет Слава Воронцов, уже полковник СА, как-то на нашей юбилейной встрече в ресторане спросил меня по-дружески: Ну что, Лёша, избавился от своих идеалистических взглядов на отношения мужчин и женщин? Я ответил ему: нет, Слава, я всё тот же.

Ну, а упомянутый выше мною скромник Витя Рудоман... женился на пятом курсе. А дело было так. Как-то к нам в комнату зашли две симпатичные девушки:

– Можно к вам?

– Пожалуйста.

– Хи-хи-хи, ха-ха-ха, мы студентки архитектурного факультета строительного института. Пришли познакомиться. Говорят, что в этой комнате живут самые умные ребята.

Ну, все вместе посмеялись, пошутили, и мы с Колей говорим, показывая на Витю: Вот он, самый умный! Короче, на следующий день приходит Зина, одна из накануне приходивших подружек, с двумя билетами в кино. С огромным трудом мы вместе уговорили Витю – неправильно оставлять девушку одну. По возвращению его из кино мы с Колей подшучивали над ним и Зиной, и Витя тоже смеялся. Затем весь этот сюжет повторился. А на третий раз Витя, вернувшись из кино, оборвал наши с Колей шуточки, сказав твёрдо и решительно:

– Чтоб я никаких смешочков о Зине от вас больше не слышал.

Так вот и женился наш дорогой друг Витя Рудоман.

Из особых событий в институте в разные годы припомню несколько ярких. Запомнился, как обескураживающий невероятный мощный информационный взрыв, – доклад Н.С. Хрущёва о культе И.В. Сталина. Это было ошеломляюще неожиданно, было море сомнений, вопросов, раздумий. Я был какой-то поникший, не в себе, мучительно старался понять, что случилось. Великий, любимый, несравненный Иосиф Виссарионович – и такой ужас доклада о нём! Отрезвил и вернул меня на землю тогда мудрый суровый отец. Когда я приехал на зимние каникулы домой и пытался возмущённо сказать отцу, какой деспот был Сталин, папа меня резко оборвал и вымолил: «Прекрати. сын, замолчи! Послушай меня: Никита подец и сволочь, боится за свою шкуру. А роль Сталина, как вождя нашего государства, ещё будет оценена по достоинству». Я, помнится, тогда сразу повзрослел после этих жёстких слов отца.

В памяти – студенческие волнения в нашем институте, когда произошли события в Венгрии, и СССР ввёл туда наши войска. Почти все ребята, и я сам лично были в серьёзных сомнениях, почему ввели войска, зачем это потребовалось, это честно ли поступать так с союзником СССР. Состоялся ряд бурных комсомольских собраний. Институтское руководство не смогло нас успокоить, и в институт приезжала сама Фурцева. Обще комсомольское собрание, на котором был и я, состоялось в большой знаменитой двадцатой аудитории, началось горячо – с резких вопросов, длилось около двух часов, Фурцева много и убедительно говорила. И студенческий актив стал остывать. Репрессий против бунтовавших студентов МГРИ не было. Хотя в Ленинграде, я знаю, были отчисления студентов из-за подобных волнений.

Из других событий можно также вспомнить участие в переписи населения 1959 года. Мне повезло. Я «переписывал» людей в центре Москвы около кинотеатра им. Маяковского. Тогда мне посчастливилось побывать в квартире любезной, очаровательной, знаменитой актрисы Людмилы Целиковской и попить у неё чайку с печеньем.

На пятом курсе меня и Колю Егорова пригласили в партбюро института и сказали, что считают нас достойными к приёму кандидатами в члены КПСС. Для нас с Колей это было внезапно, невероятно волнительно, ответственно, почётно. Я был очень взволнован и счастлив. Впрочем, как и Коля. На общем партийном собрании один очень пожилой профессор усомнился в моей кандидатуре – не молод ли. На что парторг

ответил, что за время учёбы студент Коломиец показал свою политическую и гражданскую зрелость, перечислив ряд своих «подвигов». Я был единогласно принят.

Последнее памятное происшествие произошло, когда пришли места направлений на работу в геологические организации страны после окончания института. Среди прочих мест было и три места в СКБ (Специальное конструкторское бюро Министерства геологии СССР). Декан А.О. Верчёба назвал три фамилии, которым отдавались эти направления. Неплохие наши друзья, но – троечники. А главное, у всех троих папы были в высоких министерских креслах. Я выступил категорически против, ребята меня поддержали. Тогда Александр Осиевич гневно сказал: Я знаю, почему Коломиец против – он сам хочет туда попасть! На это я немедленно ответил, что поеду работать по направлению по последней оставшейся путёвке. В результате в СКБ были направлены лучшие в конструкторском плане ребята: Витя Рудоман, Толя Нэйдис, Боря Стадник. А троица сынков, между прочим, через полгода тоже объявилась там. А я из-за этого приехал – по последней оставшейся путёвке, в город Горький в Средне-Волжское геологическое управление. Тогда это считалось одним из самых невостребованных «неинтересных» мест. Ну а для меня в итоге это был подарок всё той же Её Величества Судьбы. В этом управлении я состоялся как производственник и учёный, получив здесь прекрасную школу, замечательных учителей и друзей.

Итак, окончен институт. Какие подводить итоги и делать выводы? Прежде всего скажу, что мы учились по-настоящему. Большинство (я бы даже сказал, значительное большинство) готовилось стать достойными инженерами геологического производства, вникали в содержание будущей работы, учились входить в производственный коллектив. У нас и мысли не было о карьере, как у сегодняшней молодёжи. Наши мысли были – как можно лучше вникнуть в содержание будущей профессии и достойно себя в ней показать. Обратите внимание, дорогой читатель, куда стремилось уехать большинство выпускников – в Сибирь, на Севера, в трудные, но интересные в геологическом и производственном плане места. Конечно, отработав три года по распределению, некоторые ребята меняли места работы. Но большинство продолжало трудиться там, куда были направлены по окончании института.

Что ещё? В институте, кроме знаний, приобрели мы хороших друзей – на всю жизнь. В институте мы активно общались к общественной работе, неплохо вникли в геологическое производство. Огромный багаж культурных знаний накопился в результате посещения московских театров и концертных залов, музеев и выставок, библиотек и кинотеатров. Эти пять институтских лет, наверное, – самое счастливое время в моей жизни!

Сейчас я нередко встречаю в статьях и телепередачах утверждения некоторых «специалистов», что эти годы были годами мрачных и унылых людей, заботящихся только о том, чтобы добыть колбасу и написать какой-то донос в «органы». Не верьте им! Конечно, они лгут, хотя теперь мы много узнали о том времени негативного. Ну а в какой стране такого никогда не было?

И всё-таки я скажу, что в то время, о котором я здесь пишу, было наше счастливое время, это была наша замечательная страна – СССР, которая тогда стремительно развивалась в научном, промышленном, экономическом, культурном отношении, которая целиком трудилась только для своего народа, училась и чудесно учила новые поколения советских людей. И у меня эту страну – СССР, никогда не изъять из сердца и не очернить.

Ну а достоинства, недостатки и беды, ведь они были. Нужно тщательно и объективно их изучать, анализировать, пытаться понять, лучшее – продолжать, а плохое стремиться никогда не допускать.

Это, впрочем, касается и сегодняшнего нашего противоречивого и непростого времени.